

# ЭВОЛЮЦИЯ ЭКОНОМИКИ: АКАДЕМИЧНОСТЬ РЕШЕНИЙ и НАУЧНЫЙ ПРОГРЕСС

(о IX Международном симпозиуме  
по эволюционной экономике  
и сопряженных вопросах организации  
и развития экономической науки  
в России)<sup>1</sup>

## **Промышленность и финансы как основа «реального» сектора экономики**

С 1990 по 2000 г. развитие промышленности России можно охарактеризовать как деиндустриализация, причем этот процесс проявлялся и в период спада ВВП, и в период роста 2000-х годов. Одной из основных причин такой динамики была трансформация российской хозяйственной и шире — социальной системы, сводимая к отказу от централизованных методов управления в пользу децентрализации и развития «экономики рынков». При этом проблемы управления (особенно стратегического управления и планирования) неоправданно отошли на второй план. Данный сценарий негативно сказался на функционировании промышленности и научно-технологическом комплексе страны.

Многочисленное сокращение фондов, кадров, технологий, сжатие внутреннего рынка и сокращение возможностей развития, разрывы на уровне производственно-технологических переделов и производственной кооперации, вертикально и горизонтально интегрированных промышленных систем — все это ослабило промышленный потенциал России, обострило актуальность повестки дня, связанной с новой индустриализацией и восстановлением промышленных систем, ориентированных на восстановление как внутреннего рынка по многим видам продуктов и изделий, так и внешнего (экспорт) рынка. Дифференциация промышленности, ее фрагментация, повышение уровня локального (регионального) монополизма и неэффективности стали характеристиками развития современной промышленной системы российской экономики.

Общая тенденция в развитых странах связана с тем, что доля промышленности в общем объеме создаваемого продукта снижалась последние 25 лет, однако возрастала производительность труда, производство оснащалось роботами, средствами автоматизации и т. д. Сектор услуг увеличивался относительно промышленности. Нужно заметить, что в России наблюдалась совершенно иная тен-

денция. Проблема состояла в абсолютной потере промышленного производства, свертывании производственных мощностей, то есть имманентной характеристикой развития отечественной промышленности являлись процессы ее разрушения и качественной деградации, а не снижение доли в продукте, связанное с ростом сектора услуг и повышением производительности самой промышленности, научно-техническим прогрессом в секторах промышленности. Промышленность устойчиво теряла кадровый потенциал.

Экономисты-либералы часто ссылались на М. Фридмена и Ф. Хайека при отрицании масштабной промышленной политики. Однако сам Хайек, например, утверждал: «Наверное, ничто не принесло столько вреда, как несгибаемое следование... некоторым эмпирическим правилам, прежде всего, такому принципу капитализма как невмешательство (*laissez-faire*). Правительство должно играть свою роль в областях, начиная от регулирования продолжительности рабочего дня, денежно-кредитной политики и деятельности финансовых институтов до обеспечения потока соответствующей информации» [5].

Проблема современного мирового финансового кризиса сосредоточена в природе самого капитализма, его базовых институтах. На эту природу обращали внимание такие классики как К. Маркс, Т. Веблен, Р. Гильфердинг и многие другие их последователи. Причина в том, что промышленный капитал подчинился финансовому капиталу. Произошел глубокий разрыв в развитии финансового и реального секторов современной хозяйственной системы с явным усилением спекулятивных начал в экономике (образование пирамидальных финансовых структур).

К. Маркс отмечал: «господство банковского капитала над промышленностью — важное явление новейшего времени». Р. Гильфердинг продолжал ту же мысль, спустя более полувека: «Функция промышленного капитала все более становится монополией крупных денежных капиталов — отдельных или ассоциированных» [2]. Эти тенденции усматривались им к середине XX века<sup>2</sup>. Еще Т. Ве-

<sup>1</sup> Окончание. Начало в № 11 за 2011 г.

<sup>2</sup> Р. Гильфердинг умер в 1941 г. (Примеч. авт.)

блен в теории делового предприятия показал, что основа экономического кризиса состоит в работе финансовых институтов и обороте денег. Кредитная инфляция и дефляция — два механизма, обеспечивающих цикличность развития капитализма. Причины современного кризиса также обнажаются в дисфункции финансовой системы, с дальнейшим ее распространением в «реальные» сектора экономики.

Генератором финансового кризиса явились США:

- с 1979 по 2004 г. доходы самых бедных 20% населения США увеличились на 2,8%;

- общий долг всех агентов в 2007 г. составил 350% ВВП, что превышает долг 1929 г.;

- долг на банковских картах составил 900 млрд долл.;

- задолженность американских семей увеличилась с 46% ВВП в 1979 г. до 98% ВВП в 2007 г.;

- повышение рентабельности капитала происходило за счет роста задолженности;

- потеря на деривативах компании «Bear Stearns» составляет порядка 13,4 трлн долл. на март 2008 г.;

- бюджетный дефицит — 12% ВВП, доля прибыли в ВВП финансового сектора 14% в 1960 г., 40% — в 2008 г.;

- 5% населения США присваивает 38% дохода и 50% национального достояния за период 1990—2006 гг. (данные приводит П. Кругман).

Иными словами, провоцируется дисфункция финансовой системы: а) нарушается управление рисками; б) неэффективно распределяется капитал; в) не используются сбережения с минимальными транзакционными издержками.

Причина потери функций и управляемости состоит в поощрении «эпохи финансового монетаризма», которая началась с работы президентской комиссии Ханта в 1972 г., особый расцвет этой эпохи пришелся на 1980-е годы (закон о дерегулировании депозитных учреждений). Предложения комиссии содержали:

- отмену верхних пределов процентных ставок по депозитам;

- устранение различий между банками и иными кредитными учреждениями;

- создание филиалов банков повсеместно.

В законе о дерегулировании депозитных институтов и денежно-кредитном контроле от 1980 г. были реализованы и развиты положения доклада Ханта:

- устанавливалась норма обязательных резервов;

- потолки процентных ставок отменялись, расширялись возможности ссудо-сберегательных учреждений;

- ставки ссудного процента привязывались к учетной ставке;

- упрощались условия кредитования;

- вводился ряд преференций для работы банков — членов и не членов Федеральной резервной системы.

Это был «спусковой курок» «финансового монетаризма». С начала 1990-х годов финансовый сектор отрывается в своем развитии от «реального» сектора.

Одновременно о докладе Г. Макмиллана забыли, а именно в этом докладе были сформулированы основные императивы коэволюции финансового и реального секторов (промышленности):

- финансовая система обязана обслуживать потребности промышленности;

- денежно-кредитная политика должна противодействовать нестабильности производства и сокращению занятости;

- необходимо удовлетворять потребность в крупномасштабном финансировании, финансировании корпораций, а также долгосрочного капитала малым и средним предприятиям. На практике именно это финансирование было недостаточным. При этом эмиссия акций для этих не столь крупных компаний не могла решить проблемы насыщения их достаточным капиталом. Этот обнаруженный «разрыв» в потребном капитале был назван «разрывом Макмиллана». Основа экономической политики — финансовая система должна преодолевать «разрыв» Макмиллана.

При анализе развития промышленных систем также стали находить применение некие методы и процедуры, которые вряд ли можно назвать действенными в связи с наличием ограничений, снижающих эффективность их применения. К таким методам можно отнести так называемый кластерный подход, который во многом стал «модным» и отражает конъюнктуру в экономических исследованиях, но отнюдь никак не позволяет решать названные проблемы развития промышленных систем.

В связи с указанными тенденциями в промышленности на повестке дня давно стоит вопрос относительно обоснованного применения методов стратегического планирования к промышленным системам. Широкую популярность здесь опять же приобретает так называемый кластерный подход, который имеет приложение в области стратегического планирования развития промышленности. Но в чем содержание самого подхода, что он позволяет получить относительно промышленной системы, что не дают иные способы и методы анализа и исследования, так ли безупречен этот метод<sup>3</sup>?

#### **Понятие «кластера» и «кластерный подход» в экономике<sup>4</sup>**

В литературе используются различные определения кластера. В частности, со ссылкой на М. Портера вводится понятие кластера или промышленной группы (основополагающая работа

<sup>3</sup> Можно сказать, что ни один метод познания и исследования экономических явлений и процессов не безупречен. Однако в таком случае нужно обосновывать выбор метода, доказывая его преимущества и сравнивая с известными подходами, а не отказываться от известных алгоритмов анализа промышленности и в целом «реального сектора», полагаясь, что «новый метод» даст иные рекомендации. (Примеч. авт.)

<sup>4</sup> Автор не является сторонником ни данного термина, ни самого так называемого подхода. (Примеч. авт.)

«Международная конкуренция»): «это группа соседствующих взаимосвязанных компаний и связанных с ними организаций, действующих в определенной сфере и характеризующихся общностью деятельности и взаимодополняющих друг друга» [1]. Вариантом данного определения выступает следующее определение кластерной промышленной системы: «территориально локализованная социально-экономическая система, образованная группой экономических субъектов (предприятий, организаций), организациями органов исполнительной власти и гражданского общества, стабильно взаимодействующих друг с другом путем обмена продуктами и услугами, людьми, информацией и получающих в результате этого взаимодействия, определенные конкурентные преимущества перед аналогичными «не системно организованными» экономическими субъектами».

Согласно представленным определениям требуется пояснить, во-первых, что такое группа экономических субъектов (какая группа?) взаимодополняющих и взаимодействующих — каким образом, каков масштаб и измерение этого взаимодействия и (или) взаимодополнения? Во-вторых, чем определяется стабильность взаимодействия. В-третьих, что значит не системно организованные экономические субъекты и почему не рассматриваются конкурентные преимущества данного кластера по отношению к аналогичным кластерам на международном уровне, либо относительно иных кластеров в рамках национальной системы?

Как известно из работы М. Портера «Международная конкуренция» [4, С. 294, 315, 635, 643, 711, 803, 855], кластер образуется передовыми с позиций национальной конкурентоспособности отраслями и родственными или поддерживающими отраслями и инфраструктурой. Причем эти отрасли имеют долю мирового экспорта большую, чем доля страны в мировом экспорте в среднем, либо международное положение, которое определяется величиной иностранных инвестиций. Далее предлагаются так называемые «кластерные схемы». Вместе с тем польза этого подхода, который имеет явно вспомогательное значение в общей доктрине международной конкурентоспособности М. Портера в том, что все-таки определяется динамика кластеров и количественно определяется набор отраслей, используя описательный и сопоставительный метод анализа. При этом в примечаниях М. Портер делает оговорку: «И. Толенадо ввел термин «фильеры», а Е. Дахмен термин «блоки развития», которые были предвестником более широкого понятия «кластеры».

Важное значение в этой доктрине национальных преимуществ придается так называемому «ромбу Портера»: спрос; факторы; стратегия, структура и соперничество; поддерживающие отрасли. Причем, было бы полезно в исследовании о кластерах показать применимость и результативность данного подхода, либо расширить его за счет большего числа факторов, которые рассматривает автор, но, тем не менее, количественные оценки факто-

ров конкурентных преимуществ кластера ожидают своего развития. Однако и в работе М. Портера и иных исследованиях, использующих представление о «кластере» (какое бы определение этому термину не давалось), упускается часто авторами, увлекшимися сугубо классификационными моментами, измерительный методический аспект.

«Кластерная стратегия» определяется как системный подход к организации экономического пространства страны. Часто ее связывают со стратегией модернизации экономики России. Однако расплывчатость трактовок здесь налицо. Примеры различных кластеров и государственной политики их развития подтверждают, что данная задача проектируется и решается государством. Хотя существует точка зрения о том, что «силиконовая долина» возникла без участия государства (М. Портер). Но это не совсем так, поскольку возникновение передовых технологических «кластеров» (секторов, отраслей) не происходит без разработок, которые напрямую заказываются правительством или им опекаются, включая и военно-технические разработки. Это относится и к развитию атомной промышленности, электроники, в частности, развитию городов науки — Зеленограда, Пущино, Троицка, Дубны и т. д. При этом в СССР в середине 1960-х годов термин «кластер» не использовался. Развитие кластеров в передовых западных странах осуществляется при стимулирующем участии государства, тем не менее, вне контекста задач модернизации в постановке российского значения. Тогда в чем разница в методах планирования и использования данного подхода при модернизации и без нее? Ответ на этот вопрос крайне важен в обстоятельствах спекулятивного и не всегда адекватного использования терминов «инновации», «кластер», либо введения нового эффекта или явления так называемой «инновационной паузы», которая будто бы является чуть ли не причиной кризиса 2008—2010 гг., что не подтверждается эмпирически. Да таких подтверждений и быть не может, поскольку, когда нет точного определения явления, то и максима «важно не явление, а масштаб его проявления» не прочитывается в ходе изучения текста работы, а также теряет свою применимость при анализе экономических событий.

#### **Некоторые аргументы целесообразности и адекватности терминологических новшеств и новых моделей**

Сведем воедино некоторые аргументы относительно правомерности применения терминологических излишеств, а также создаваемых новых моделей. Обратимся к кластерному подходу применительно к задаче стратегического планирования.

1. Как методология стратегического планирования развития кластеров промышленных систем согласуется с процессами самопроизвольного образования так называемых групп конкурентоспособных отраслей, (кластеров по Портеру)? Для России — это сырьевой комплекс (кластер). Тогда как преодолевать его влияние на развитие иных

производств, включая и промежуточные переделы, которые подстраиваются под функционирование этого комплекса — кластера. Иными словами, чем определяется сила кластера и его иерархическое значение в экономической системе, с подстройкой иных, в том числе регионально замкнутых кластеров под этот основной — национальный кластер? Не сводится ли так называемая кластерная стратегия — к региональной (территориальной) специализации, изучение которой осуществлялось многими экономистами (в частности, А. Г. Гранбергом)?

2. При «кластеризации» часто не находят должного отражения вопросы развития промышленных секторов с изменением уровня монополизма, вертикальной и горизонтальной интеграции, диверсификацией производства промышленной системы, роли транснациональных корпораций и т. д. Важно адаптировать известные методы (например, метод межотраслевого баланса) и согласовать их с вводимыми новыми приемами. Как это согласуется с делением промышленности на кластеры?

3. Если государству необходимо проводить политику стимулирования конкурентных кластеров в промышленности, на что часто делается акцент, то, как это согласуется с общими задачами макроэкономической политики, текущим объемом сбережений, инвестиций, каков объем финансовых и иных ресурсов потребует решение подобной задачи стимулирования, а также как влияет исходное состояние промышленной системы и заинтересованность собственников промышленных предприятий на перспективы промышленной системы? Точного ответа на комплекс указанных вопросов в работе не получено. Если объем стимулирования окажется недостаточным, то кластерная стратегия будет провалена исполнительной властью.

4. Формирование стратегии развития кластерных промышленных систем представляется довольно громоздкой процедурой, предполагающей сложный алгоритм, учет многих факторов, оценку конкурентоспособности промышленных систем, что требует и соответствующего инструментария, который необходимо облечь во вполне конкретные формы. Если же этот инструментарий применяется или применялся и до введения этого специального термина, то, что изменилось, какова целесообразность такого «терминологического новшества», которое по сути ничего не меняет.

5. Кластерный подход и анализ, иногда употребляется и такой вариант, предполагает использование экспертных оценок, процедур. От того насколько адекватны экспертные процедуры, а также насколько корректно определены «кластер», «кластерная стратегия», «кластерная промышленная система» зависит точность анализа и его адекватность. От точности определения зависит результативность выводов, измерительная часть и итоговые рекомендации. В эволюционной экономике известно понятие «популяции фирм», «промышленной популяции», причем используется для моделирования довольно разветвленный и развитый математический аппарат, включающий

игровые методы, метод социоконфигураций, генетические алгоритмы, так называемые агентоориентированные модели и социоалгоритмы, вероятностные методы и др. Как соотносятся эти подходы? Причем применение перечисленных методов не предполагает использования термина «кластер» в указанном выше значении.

Является ли набор отраслей, составляющих экспортные преимущества страны, «кластером», например, экспортным или «внешнеэкономическим кластером»? С точностью до определения, видимо, да. Но тогда каков смысл самого термина, специфичность его использования и что он дает экономическому анализу? Если без термина или такого выделения можно обойтись, зачем его вводить? Если можно применить известный термин-аналог, зачем делать акцент на термине, который «расплывается» при его дальнейшем разъяснении. Это способствует неточности экономического анализа. Так, при реализации концепции «разделяй и властвуй» в методе конечных элементов осуществляется триангуляция объема материала, детали, для того, чтобы исследовать напряженно-деформированное состояние, причем от числа треугольников, то есть от разбивки, зависит точность полученного напряженно-деформированного состояния детали или узла машины. Таким же образом, если выделяются некие макрогенерации [5], представляющие часть ВВП, то точность модели, как и ее адекватность, определяются двумя позициями:

1) тем числом макрогенераций, которые выявляются, либо числом, на которые разбивается ВВП (если при реализации метода конечных элементов большее число в разбивке дает большую точность, то применительно к макроэкономической системе более детальная разбивка не будет более адекватной и не даст большую точность. Тогда от чего зависит эта разбивка?);

2) принципиальной обоснованностью самой разбивки ВВП на некие части, так что потом приходится выстраивать алгоритм, предусматривающий анализ взаимодействия этих частей ВВП. Если допустить, что разбивка адекватна, то необходимо установить закон взаимодействия частей, причем наверняка разные части ВВП будут связаны друг с другом не идентично.

Как видим, даже несложная эконометрическая модель в рамках эволюционного подхода, реализующая линейный принцип «созидательного разрушения» Шумпетера, будто новая генерация заимствует ресурс у старой генерации, и то предполагает ряд существенных оговорок, которые оказываются значимыми с точки зрения оценки адекватного применения данной модели и базирования дальнейших выводов с точки зрения экономического анализа на этой модели. Такой же методологический критерий необходимо применить и к оценке «весомости» кластерного подхода.

#### **Возможности инновационного прорыва**

Сегодня в России появился целый ряд исследователей, фондов, организаций, центров,

институтов, занимающихся разработкой стратегии инновационного развития России и модернизации экономики. Создано множество групп по направлениям приложения усилий, секторам экономики (разрабатывается энергетическая стратегия 2030, оборонная, научно-техническая и т. д.). Только ленивый не пишет об инновациях, стратегии, не дает прогнозов, не приводит сравнения с наиболее развитыми странами, не говорит о модернизации. Все предложения имеют исключительно «бумажную основу», подкрепленные предфамильными приставками и званиями «изготовителей». Однако в подавляющем большинстве они имеют стереотипную основу своей подготовки-разработки, но создают завышенные ожидания инновационного прорыва, успешности модернизации. При этом игнорируются структурные проблемы, задачи изменения структуры экономики и структуры затрат, распределения совокупного дохода по агентским группам и в региональном разрезе и многие другие факторы (инерция системы, отсутствует адекватное понимание состояния многих подсистем экономики, в частности, технических, инженерных школ и т. д., не оцениваются возможности нации на такой прорыв). Иными словами, не учитываются процессы формирования структуры, реакции агентов микроуровня, аспекты взаимодействия элементов системы и синхронизации процессов управления и проведения подобного прорыва и модернизации.

Более того, представляется, логика прорыва вообще является ущербной, потому что, во-первых, необходимо определить понятие «прорыв», каковы его параметры, как они будут достигаться, посредством чего. Ограничением такого прорыва является тот текущий валовой внутренний продукт, который создает экономика плюс элементы национального богатства, которые можно задействовать в рамках структуры затрат, сформированной к текущему моменту, и т. д.

В частности, некоторые авторы делают оговорку — несмотря на неблагоприятные стартовые позиции, Россия пока еще сохраняет возможность инновационного прорыва. И предлагают для этого реструктуризировать научный потенциал и использовать отечественные изобретения, обеспечить подъем высокотехнологичного сектора, модернизировать энергосектор, трансформировать потребительский сектор, использовать резервы интеграции и глобализации. Эти предложения общие, они предлагаются многими. Но проблема состоит в том, что системная модернизация, преодоление дисфункции экономической системы России, которую мы наблюдаем многие годы, требует особого исходного порядка конструирования программы модернизации, отказа от лозунговой терминологии. Недостаточно осуществить планирование по направлениям или секторам экономики или сферам деятельности, а затем условно сложить результаты работы отдельных групп. Или, как пишут указанные авторы: «Ресурсы для прорыва — инновационное наполнение инвестиций, эффективное использование рентных доходов, инновационное партнерство

предпринимателей, государства, творческих личностей и общества».

Таким образом, «прорывная» логика означает ускорение в решении задач, которые по своему существу и природе не могут решаться в спешке и на высокой скорости, несмотря на то, что в мире действительно наблюдается технологическая гонка как новый вид конкуренции и соперничества.

Базой хозяйственного развития России должна стать организация экономического роста за счет применения и совершенствования исключительно отечественных технологий без подчинения задачам догоняющей модернизации, либо массивного заимствования, существом — задача обеспечения эффективности экономической структуры (в противовес доктрине инновационной паузы и заимствования технологий). Национальный приоритет — отечественное производство — как центральный (!) национальный проект. Для реализации данного национального приоритета возможно и необходимо развернуть инфраструктурные проекты, охватывающие территорию страны, например, строительство скоростных железных и автомобильных дорог большой протяженности. Это даст стимул отечественному производству и развитию отечественных технологий.

При этом не исключается возможность отдельного заимствования технологий, включая технологии широкого применения, для удовлетворения потребностей внутреннего рынка. Однако, что необходимо особо подчеркнуть, такое заимствование может приобретать только вспомогательное значение, то есть быть добавочным к развитию отечественной технологической базы и служить именно этой цели и вытекающим задачам. (Оно перманентно происходит — такова логика развития производственно-технических систем.)

Потребуется макроэкономическая политика наращивания инвестиций, государственных расходов и уровня монетизации экономики, при сокращении процентных ставок и со стимулированием перетекания различных видов ресурсов из сырьевых и транзакционных секторов в производственные секторы, включая и трудовой потенциал.

Потребуется «замкнуть» производства средств производства на потребительские секторы и создание перспективных продуктов будущей конкурентоспособности.

Для стимулирования денежно-кредитного потока в реальные секторы экономики, для выправления сложившейся в России «структурной вилки» (это основная задача модернизации), когда продуктивные виды деятельности низкодоходны и высокорискованны, а спекулятивные виды деятельности, сырьевой сектор — высокодоходны и относительно менее рискованны, можно использовать принцип «процентного портфеля» и «плохого баланса» банков.

Исходя из средней рентабельности различных секторов экономики, можно установить процентный портфель, то есть процентные ставки по кредиту для каждого сектора избирательно. Этот инстру-

мент или его похожий вариант, если будут такие предложения, должен нивелировать разницу по доходности и рискам между секторами. Подобное воздействие на уровне макроэкономики будет играть роль инструмента, выравнивая доход, «привяжет» его к созданию материальных благ и услуг в экономике. Цель — отойти от сырьевой модели, увеличивая долю добавленной стоимости по высокотехнологической компоненте отечественного производства.

Кредитный портфель банка по сути можно представить состоящим из четырех блоков: финансово-банковские операции, сырьевой сектор, коммерческо-торговые операции и реальный сектор. Плохим можно считать баланс портфеля, когда четвертая компонента незначительна, а первые три, особенно вторая и третья — доминируют по своей доле.

Исправить «плохой баланс» возможно, установив своеобразную шкалу ставок за кредит сырьевым секторам, скажем  $b\%$ , если их доля в кредитном портфеле данного банка превышает  $x\%$ , а для реальных секторов —  $a\%$ .

Главная задача государства видится в том, чтобы проводить экономическую политику, порождающую и стимулирующую такие виды деятельности, которые принесут широкие потребительские следствия в будущем, которые слабо развиты или не развиты до сих пор, связаны с новыми комбинациями, открытыми в ходе научно-исследовательской деятельности и приводящими к положительной динамике социальных показателей.

Весь инструментарий, имеющийся в распоряжении государства необходимо подчинить исполнению данного рецепта: совпадению профиля доходности, риска, инвестиций, функций и полезности видов деятельности и благ. Иными словами необходимо планировать изменения структуры национальной экономики и управлять соответствующим образом этими изменениями.

Макроэкономическим рецептом инновационного развития российской экономики может стать набор следующих действий:

а) повышение стоимости труда и его качества, формирование критериев оценки общественного вклада, трудовой деятельности;

б) создание институтов, обеспечивающих восприятие инноваций всеми элементами системы, стимулирующих творческую деятельность, обеспечивающих замещение и обучение кадров;

в) перелив ресурсов из транзакционных в производственные секторы с расширением потребностей внутреннего рынка (понадобится национализация базовых ресурсных секторов хозяйства, формирование отдельных наукоемких секторов промышленности);

г) воссоздание внутреннего рынка и формирование ядра секторов, включая инфраструктуру, обеспечивающих его развитие и экспортного ядра отраслей;

д) ликвидация конвергентных кризисов отдельных подсистем с формированием обеспеченных

финансами направлений их развития (наука, образование, здравоохранение и т. д.), решение организационных задач, повышающих, а не снижающих эффективность этих подсистем.

Модернизация понимается как системное изменение, поэтому необходим проектировочный подход по аналогии с созданием новых технических систем.

Анализ проектной ситуации должен дать материал относительно тех параметров системы, которые следует и возможно достичь к некоторому моменту времени, определив и инструменты, при помощи которых это можно осуществить. Компромисс, точнее поиск этого компромисса между ожидаемым и потенциальным, а также реально возможным составляет суть проектирования.

При исчезнувших промежуточных переделах в промышленности, при наличии указанной «структурной вилки», при сформированном сырьевом ядре и финансово-спекулятивном секторе, при ликвидации организационных структур в цепи создания нового результата и даже при свертывании непрерывного цикла воспроизводства многих изделий, за редким исключением, на отечественных промышленных предприятиях, утверждение о возможности некоего прорыва является необоснованным и научно безответственным.

О каком прорыве можно рассуждать, если доктор наук, профессор, ведущий научный сотрудник института Академии наук имеет заработную плату 21 тыс. руб. в месяц (это с надбавкой, оклад составляет 17 тыс. руб.), то есть примерно 600 долл. и вынужден преподавать в нескольких университетах, чтобы просто физически жить?

О каком инновационном прорыве можно говорить, если молодежь не выдвигается на ответственные позиции и должности принятия решений — в науке, образовании, производстве, а если выдвигается, то это выдвижение становится большей частью итогом клановой игры, либо сервизма. Молодой исследователь предлагал несколько лет тому назад создать сектор (включающий еще 2-х молодых докторов наук и 2-х кандидатов наук). Сделав доклад на эту тему, в целом, получив одобрение, но в преддверии грядущих сокращений РАН, создание сектора было отложено с формулировкой на усмотрение руководства. Спустя несколько лет этих молодых людей просто нет, как и перспектив роста тем, кто не угоден.

Безусловно, мы против уничтожения Академии наук (подобные планы периодически обсуждаются, принимая вид неких дискуссий, с целью захвата ее зданий, сооружений, инфраструктуры в лучших уголках Москвы и других городов). Но то, что наблюдается сейчас, по крайней мере, по секции экономики не может далее продолжаться ни в рамках этой секции, ни в рамках других секций. Академия превращается в «избранцев» от номенклатуры (относится только к экономистам), имеющих сомнительные научные достижения. Часто лоббируются и открываются специальности под конкретного человека, чтобы он стал членом-корреспондентом

или академиком по этой специальности — направлению. Большой частью проходят директоры институтов или их заместители. Однако должность не определяет личного научного вклада. И научный сотрудник, и профессор кафедры вполне может внести вклад куда больший, неужели их начальник, поскольку именно они заняты исследованиями в конкретных областях. Разумеется, членами Академии могут и должны становиться ученые-организаторы научных исследований, то есть занимающие административные посты, но их доля в общем объеме участников не должна быть не только высокой, но и значительной. К сожалению, сейчас ситуация прямо противоположная. Причем, чем выше ограничения по финансам, тем устойчивее тенденция избирать тех, кто эти финансы может предоставить. Более того, эта доля по секции экономики явно увеличивается, в нее включаются и олигархи, и банкиры, которые готовятся к избранию или уже избраны членами секции. Подобное положение должно быть устранено, так же как и ранжир достижений по возрасту. Можно возразить, что затраты на Академию наук невелики. Но пусть даже невеликие затраты не будут осуществлены

на подъем «величия» отдельных представителей, а пойдут на финансирование домов престарелых и ветеранов, которые осуществили бесспорный вклад — они защитили страну и будущую жизнь ее народа.

В сложившихся условиях дисфункции многих подсистем общественной системы, организационном коллапсе и неэффективности, рассуждать о прорыве в инновациях и модернизации самонадеянно. Кропотливая работа по выправлению организационных перекосов, повышению управленческой эффективности совместно со стимулированием развития промышленности внутреннего рынка и несырьевого экспорта в конце концов способна будет дать общий позитивный эффект развития, составляя итог модернизации.

Без «прорывов» необходимо планомерно изменять структуру экономики, структуру взаимодействия агентов и институциональную базу, достигая адекватно заданных проектировок. Процесс должен быть управляем, а значит перманентным и последовательным от цели к цели, от задачи к задаче, исходить из целостности системы, взаимосвязи всех ее параметров.

**Олег СУХАРЕВ,**

доктор экономических наук, профессор,  
ведущий научный сотрудник ИЭ РАН

#### ЛИТЕРАТУРА

1. Агафонов В. А. Методология стратегического планирования развития кластерных промышленных систем: Автореферат дисс. ... докт. экон. наук. — М.: УЭМИ РАН, 2011.
2. Гильфердинг Р. Финансовый капитал. Новейшая фаза в развитии капитализма. — М.: URSS, 2011. С. 72.
3. Маевский В. И. Введение в эволюционную макроэкономику. — М.: Япония сегодня, 1997.
4. Портер М. Международная конкуренция. — М.: Международные отношения, 1993. 896 с.
5. Найек F. Constitution of liberty. — Chicago: University of Chicago press, 1960. P. 502—503.